

«Наш земляк-тихоречанин полковник в отставке Федор Денисович Барсуков в годы войны работал в армейской газете «В решающий бой». Ему не раз доводилось встречаться в то суровое время и позже с популярной певицей Клавдией Ивановной Шульженко. Военные журналисты, как и все воины, слушавшие ее выступления, горячо воспринимали летучие концерты любимой артистки. Особенно волновало исполнение уже известного тогда «Синего платочка». Тем более что к тексту этой песни приложил руку начинающий поэт, молодой журналист армейской газеты Михаил Максимов. Об этом и о многом другом речь во фронтовых воспоминаниях нашего земляка.

Помню, как в памятный вечер
Пал платочек твой с плеч,
Как прождала и обещала
Синий платочек сбересть.

Славные советских платочков
Мы сберали с собой...
Наши раны,
Давали врач

«И МЕЖДУ СТРОЧЕК СИНИЙ ПЛАТОЧЕК...»

Мы не раз слушали эту песню про синий платочек в исполнении Клавдии Шульженко, но, конечно, не подозревали, что ее слова в условиях войны не удовлетворяли певицу. А между тем она не раз, оказывается, признавалась в этом своим коллегам. «Не те слова, не тот настрой», — сокрушалась она. И вот появился новый текст популярной песни. А было так...

В апреле сорок второго на машинах по подтаявшему льду «дороги жизни» Клавдия Шульженко с фронтовой бригадой пробилась из блокадного Ленинграда на Волховский фронт. Навестив раненых в одном из госпиталей Волхова, она узнала, что среди ее слушателей был лейтенант начинающий поэт Михаил Максимов, сотрудник нашей армейской газеты «В решающий бой», и певица попросила его написать новый текст «Синего платочка». Ох, как нужны были для песни слова, созвучные фронтовой обстановке, зовущие бойцов на ратный подвиг, удесятеряющие их ярость к врагу.

До войны у Михаила была мирная профессия. Он окончил факультет общественного питания, заведовал в Ленинграде трестом столовых. Под Новгородом принял боевое крещение. В жестоком бою был тяжело ранен. В характеристике, с которой он прибыл к нам в редакцию, говорилось: «...действуя как командир, проявил себя при отражении ночного налета автоматчиков на КП бригады. В минуты затишья писал заметки и стихи для армейской газеты».

И вот непростая задача: написать слова на известную всем мелодию. Но отступить Михаил не привык. Будь что будет. Через три дня, 12 апреля 1942 года, в железнодорожном депо станции Волхова песня зазвучала по-особому. Она напомнила бойцам, что они защищали в бою, и перед ними зримо вставали Родина-мать, любимые девушки.

Строчит пулеметчик
за синий платочек,
что был на плечах дорогах, —
проникновенно звучал дивный голос Клавдии Шульженко. После одного такого выступления певицы у летчиков гвардии капитан Василий Голубев сказал ей: «Земной поклон за Ваше искусство, за душевные песни. Ваш «Синий платочек», Клавдия Ивановна, будет с нами во всех боях, и первый же сбитый нами «юнкерс» или «мессер» мы посвятим Вам». Голубев был человеком дела. Сказал — сделал. На следующий день летчик выполнил свое

обещание. После концерта фронтовой бригады на фюзеляжах многих истребителей и на броне танков соседней части, где выступала певица, появились надписи «За синий платочек!».

Недавно я получил письмо из Муромы от учительницы Марии Петровны Семеновой. «Вы сообщили в книге «Журналисты на войне», что у летчиков выступала Клавдия Шульженко и они ей обещали сбить больше фашистских самолетов, — писала Мария Петровна, — а ведь среди этих летчиков был и мой брат Григорий Семенов. Я знаю, что он сбил два «мессершмитта» после того памятного концерта. Капитан Василий Голубев остался жив, сейчас он генерал-лейтенант, Герой Советского Союза, написал книгу воспоминаний «Крылья крепнут в бою», которую он прислал после встречи в Ленинграде, куда я ездила, разыскивая боевых друзей брата. Именно на Шлиссельбургско-Синявинском выступе и погиб Гриша через полгода после того концерта, о котором Вы рассказали. Значит, и на самолете моего брата было написано «За синий платочек!». Вот как на войне удивительно, порой трагично, переплетались песни и судьбы людей.

Песня была «прописана» в боевом солдатском строю. Она призывно звала вперед на врага, неутомимо шагала по разбитым снарядами дорогам войны. Ее пели, о ней даже славились стихи. Листая как-то пожелтевшую подшивку фронтовой газеты «За Родину!», я задержал внимание на заголовке «Синий платочек». Мелькнула мысль: «Перепечатали песню».

Однако это было не так. Я читал стихи капитана Александра Петрова, посвященные знаменитой песне:
Уже давно померкли и увяли
В том городе сады.
А вдалеке
Присядет запевала
на привале
И заплет о синеньком
платке.
И тут бойцы подтянут,
не зевая,
И тут баяны грянут в лад ему...
Прошли десятилетия. И все это время в репертуаре любимой народом певицы гордо реял «Синий платочек». Сравнительно недавно в Колонном зале Дома союзов я видел, с какой теплотой встречали москвичи фронтовую песню в исполнении Клавдии Шульженко. И был немало удивлен, что ведущий не назвал ни композитора Ежи Петербургского, ни автора военного текста Михаила Александровича Максимова. А

однажды на концерте в одном санатории автором музыки «Синего платочка» конферансье назвал... М. Блантера.

Припоминаю вечер под наступающий 1944 год. За столом редактора газеты Ивана Филипповича Половинкина, на котором он правил наши материалы, появилось нечто подобное скатерти в виде пахнувшей керосином трехметровой полосы газетной бумаги, на ней клюквенный морс, картошка в мундире и какая-то еще походная снедь. Выпили наркомовские сто граммов, разговорились о том, о сем, о долгожданном втором фронте... Откуда-то появился выдавший виды патефон с заезженными пластинками. Надо сказать, что песня всегда была в нашей скитальческой фронтовой жизни верным спутником. Она безраздельно властвовала над нашими душами и настроениями, смягчала обветренные войной сердца.

— Миша, заведи-ка нашу фамильную...

И Миша поспешно извлек из походного сундучка авторскую пластинку с надписью: «Синий платочек». Исполнял Клавдия Шульженко. Текст лейтенанта М. Максимова.

Не все знают, что фронтовой вариант «Синего платочка» имеет свою любопытную предысторию.

...1939 год. Истекает кровью под фашистским сапогом Европа. Стонет порабожденная Польша. Спасаясь от преследований оккупантов, покидая родину прогрессивно настроенные деятели культуры. Вместе с музыкальным коллективом эмигрирует в СССР и талантливый композитор Ежи Петербургский. С трех лет одаренный мальчик уже свободно играл на рояле, а в зрелом возрасте создал такие пленительные мелодии, как танго «Утомленное солнце», «Ты моя гитара», «Уж никогда», и другие. Да что говорить, пожалуй, нет человека старшего поколения, который в то давнее время не восхищался бы этой чарующей музыкой. Весной 1940 года композитор, можно сказать, на одном дыхании создал мелодию будущего «Синего платочка».

На другой день польского гостя, остановившегося тогда в гостинице «Москва», навестили друзья. Среди них, как нельзя кстати, оказался и поэт Яков Галицкий. Услышав полную лиризма и грусти мелодию, он был настолько очарован ею, что тут же написал к ней стихи. Сообща положили слова на музыку, проиграли и даже пропели сотворенные своими несносными голсами. Ох, как кстати был бы певец! Нашли и его. И разнеслись впервые по широкому коридору гостиницы в исполнении Станислава Ландау: «Синенький скромный платочек падал с опущенных плеч, ты говорила, что не забудешь, будешь платочек беречь...». Никто из жильцов гостиницы в те мгновения не предполагал, что этой скромной, незатейливой песне суждено будет уже через два года, сполна глотнув обжигающий воздух войны, навсег-

да войти в золотой фонд советской песни.

Какова дальнейшая судьба композитора? Вот что рассказал журналист Лев Сидоровский, побывавший в Варшаве. После войны Ежи Петербургский возвратился на родину. Сидоровский навестил композитора, рассказал ему и эмигрантскому фронтовому пути его песни, об авторе военного текста Михаиле Александровиче Максимове, проживающем ныне в Ленинграде.

Оказывается, «Синий платочек» и сегодня популярен в Польше. «Я прослушал пять разных записей песни, — вспоминает Л. Сидоровский. — Шестой вариант прозвучал в интерпретации маленького Ежи». Петербургский-старший с гордостью показал гостю письма от Леонида Утесова, с которым он десятилетия поддерживал самую тесную творческую связь. «Надеюсь, дорогой Юра, — писал Утесов, — что сынишка пойдет в своего папу и тоже будет даровитым музыкантом...».

Однажды после концерта в ЦДСА с участием Клавдии Шульженко я спросил ее, хорошо ли помнит она весну сорок второго года.

— Значит, вы блокадник? — почему-то вопросом на вопрос ответила певица. — А раз так, не доводилось ли вам, топя по бревенчатому настилам фронтовой дороги, встречаться с лейтенантом Максимовым, тоже газетчиком?

— Не только встретался, Клавдия Ивановна, но и не один котелок каши с ним съели.

— А знаете, — раздумчиво заметила она, — в тот вечер на Волхове, уловив лирические нотки в размышлениях Максимова о поэзии, в которой он в то время делал только первые робкие шаги, я как-то сразу поверила ему. И не ошиблась. Вот ведь как бывает в жизни. А если бы подранили немцы нашего с вами друга чуточку раньше или позже, и не встретились бы с ним. И впрямь нет худа без добра.

Чем больше я слушал Клавдию Ивановну, тем больше восхищался ее неувядаемой искристой молодостью. Шли годы и десятилетия. Менялись люди, музыкальные ритмы, подрастали новые поколения слушателей. Но певица казалась неподвластной времени. Ее эстрадные концерты, сольные выступления по-прежнему волновали людей самых разных возрастов высоким вокальным мастерством, выразительностью каждой фразы и поэтической интонации, пробуждая добрые чувства любви, долга и верности Родине.

Давно это было. Но в памяти навсегда сохранились образы боевых товарищей, любимые мелодии и душевные слова фронтовых песен. Отрадно, что и поныне их оптимизм, их эмоциональная суть дают заряд энергии ветеранам войны, их детям и внукам, вызывая желание каждого внести свой посильный вклад в расцвет любимой Родины, в укрепление ее могущества.

Ф. БАРСУКОВ.
Полковник в отставке.